

Ванесса Райли

КОРОЛЕВА
ОСТРОВА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
P18

Vanessa Riley
ISLAND QUEEN
Copyright © 2021 by Vanessa Riley
All rights reserved

Печатается с разрешения *William Morrow* (импринт *HarperCollins Publishers*).
Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Елены Николенко
Серийное оформление и оформление обложки Александра Андрейчука
Иллюстрация на обложке Дины Климовицкой

Райли В.

P18 Королева острова : роман / Ванесса Райли ; пер. с англ. Е. Николенко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 624 с. — (Сага).

ISBN 978-5-389-26167-9

Рожденная в рабстве на крошечном карибском острове Монтсеррат, Дороти Кирван сумела выкупить свободу у своего отца — ирландского плантатора, а потом добилась освобождения сестры и матери. Ценой невероятных усилий ей удалось стать богатой и влиятельной женщиной, владелицей домов и земель, от сахарных плантаций Доминики и Барбадоса до роскошного отеля в Демараре на южноамериканском континенте. Это рассказ о реальной исторической фигуре — женщине, сумевшей пробить себе путь вверх в чудовищных условиях рабства и колониализма, женщине, не боявшейся любить и не останавливавшейся ни перед чем ради любимых.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-26167-9

© Е. В. Николенко, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Лондон, 1824. Кенсингтон-хаус

В жизни своей не знавала я минуты, коей на пользу бездействию.

В жизни не ведала часа, что украсила бы тишина.

Много минуло времени с тех пор, как на меня снисходил душевный покой, — когда я могла уделить хоть минуту танцам, час моим гимнам. Все сгинуло, когда Совет Демерары ввел налог¹.

В нетерпении я сижу в парадной гостиной Кенсингтон-хауса, перевода взгляд с легких портьер на окне на директрису школы. Мисс Смит в чиппендейловском кресле напротив отпивает ромашкового чаю. Ее пальцы, сжимающие фарфоровую ручку, слегка дрожат.

— Миссис Томас... — говорит она, широко распахнув глаза и пуча их, как игуана. — Мы не ждали вашего визита, но я рада, что вы согласились задержаться в Кенсингтоне и осмотреть нашу школу. Вот увидите, это достойное вложение.

— Мне всегда нравилось название «Кенсингтон». — Я осекаюсь, вспомнив о прогулках, о выборе, о моей плантации с метким названием. Кенсингтон — лишь закорючки, высеченные на краеугольном камне нашего дома.

Директриса продолжает болтать, я киваю. Перо белой цапли на моей шляпке покачивается, закрывая мне лоб. Я смахиваю перо, словно воспоминание, от которого хочу избавиться, однако людям не дано выбирать, что придет им на ум.

— Благодарю за гостеприимство, мисс Смит.

¹ После восстания в Демераре в 1823 году Совет обязал свободных цветных женщин выплачивать по 10 гульденов для возмещения ущерба, нанесенного мятежом. — *Здесь и далее прим. перев.*

Она наклоняет острый подбородок.

Чайник громко звякает о край моей чашки и выдает нас обеих — волнение мисс Смит и мое...

— Прошу прощения, мадам. Не понимаю, что на меня нашло. — Директриса ставит чайник на разделяющий нас стол красного дерева. — С этим серебряным сервизом, что вы подавали школе, всегда обращались уважительно.

Уважительно.

Если прикрою веки, это слово на разные голоса из прошлого — голоса друзей и врагов — станет преследовать меня.

Поэтому я не шевелюсь, даже не моргаю.

Пустая болтовня директрисы прощительна. Мисс Смит успешно собирает средства, а я питаю слабость к женщинам, которые разбираются в цифрах.

— Должно быть, мой поздний приезд отвлек вас от дел. Приношу извинения.

Я и не догадывалась, что мисс Смит способна еще сильнее распахнуть глаза. Она явно не привыкла к тому, чтобы кто-то брал на себя ответственность за причиненные ей неудобства.

Моя ответственность неотлучно при мне. Каждая ее капля.

— Ничего, — вяло улыбается директриса. — Благодетелям всегда рады.

Эта чопорная дама с прилизанными глянцево-черными волосами придвигает мне поднос с угощением.

— Печенье?

— Нет. Довольно и чая.

— О, да. — Она склоняет голову. Бедняжка сдулась, будто поникший парус, покинутый ветром.

Бросив взгляд на опустевшую улицу — ни экипажей, ни посетителей, — я позволяю себе нахмуриться. Но замечаю волнение мисс Смит и стираю это выражение с лица.

Одетая в бежевый шелк с отделкой из мехельнского кружева¹ на рукавах, она беспокойно ерзает, покачиваясь назад и вперед.

¹ Мехельнское кружево (иначе «малин») — коклюшечное кружево, один из самых известных видов фламандских кружев.

Не знаю, как помочь ей, особенно теперь, когда я должна помочь прежде всего себе.

Я давно живу на свете.

Не хотелось бы сейчас себя переделывать. Совету Демерары не украсть мою жизнь. Этим мужчинам не удастся заполнить то, что я выстроила.

Занавески развеваются. Легкая ткань, похожая на вуаль, сплетенную из коры лагетто¹, обрамляет пустую улицу. Мое встревоженное, не знающее покоя сердце начинает биться сильнее. Нервное ерзание директрисы напоминает мне, что лишь я одна не подвержена риску. В отличие от всех цветных женщин.

— Еще чаю, мадам? Я только хотела спросить, не желаете ли вы еще чаю, миссис... миссис Томас.

Мис-с-сис Томас-с-с. Она произносит мое имя так, как мне нравится, со всеми положенными буквами «с».

— Покончим с этим. Мисс Смит, скажите, в чем дело? — Мой голос звучит резко, и бедняжка вся заливается краской, от лба до подбородка.

Она могла бы слиться с розовыми обоями гостиной. Мисс Смит бы точно осталась незамеченной в больших особняках Демерары, Доминики или Монтсerrата. Да и на Гренаде. Так часто бывает со светлокожими цветными.

— Вашей внучке очень нравится в Кенсингтон-хаус, мадам.

— Я не собираюсь переводить Эмму Гаррауэй в престижную школу Мэрилебон, как ее кузину Генриетту. Предпочитаю, чтобы моя внучка обучалась здесь.

Где за ней будут присматривать и уберегут от скандалов или чего похуже — от мезальянса. Последнее я не стану озвучивать.

Разочарование в выборе моих детей и внуков идет рука об руку с моими собственными сожалениями.

Губы мисс Смит раздвигаются в улыбке.

¹ Лагетто — кружевное дерево, растет на Карибских островах, еще его называют «марля-дерево» или кружевная кора, так как внутренняя кора его похожа на тонкую сетку. Веками использовалось для изготовления одежды и веревок.

— Мы любим Эмму. Она многообещающая ученица, но Генриетта Саймон, миссис Сала́, тоже блестяще училась.

— Да... Она вышла за своего учителя музыки из Мэрилебон. Моя Генриетта. *Хенни*. Я возлагала на нее такие надежды!

— Вы были на ее свадьбе? Говорят, она просто сияла.

— Нет. В Демераре стоял сезон штормов. Путешествовать морем было невозможно.

Я отправила Хенни свои наилучшие пожелания и приданое. Последнее для новобрачных куда важнее.

— Ваши колени, мадам... Они дрожат. Вам холодно? Может быть, разжечь камин или послать за одеялом? Гостям из тропиков требуется время, чтобы привыкнуть к лондонской прохладе.

— Нет. Не стоит беспокоиться.

Директриса снова нервно ерзает, будто я на нее рывкнула. Я разглаживаю бледно-желтую юбку с тяжелым кружевом, тяжелой отделкой. Эти платья прямого фасона не помогают скрыть мое напряжение. Как я буду настаивать на своем перед секретарем совета в его помпезном кабинете, если в школе меня подводят собственные колени?

Я изо всех сил пытаюсь собраться, но что-то ненароком все же выдает правду.

— Мадам? — Мисс Смит машет мне, вытаскивая из сумрака. — В школе многое сделано. Вы будете довольны всеми... инвестициями.

Она говорит быстро, словно мчится в телеге, колеса вертятся, лошади бьют копытами. Должно быть, уверена в своей работе.

Я вздыхаю, мое дыхание смешивается с паром ромашки с лимоном. Нужно дать ей понять, что я ценю ее усилия. Что ее работа — важна. Я бряцаю чашкой, как колокольчиком.

— Я вполне довольна, мисс Смит. Школа хорошая.

Мой взгляд перемещается к окну, на пустую улицу, но директриса снова начинает подавать знаки.

— О, я поручила Эмме заняться вышивкой. Это у нас новое. С вашего последнего визита у нас появилась швея с проживанием. Это ваш третий приезд в Англию?

— После восьмьсот девятого года я часто бываю в Европе.

— Восьмьсот девятого? Так давно? Н-надеюсь, на сей раз вам у нас понравится.

Ее голос взлетает и опускается, получаются забавные запинки.

— Что случилось, мисс Смит?

— Ничего особенного, мадам, но учительница фортепиано, которую мы недавно наняли, мисс Люси ван ден Вельден, сказала, вы здесь бывали. Я подумала, она что-то напутала.

Мисс ван ден Вельден — докучливая дамочка из Демерары. Сует свой тонкий нос в чужие дела. Ее отец служит в Совете ужасного вице-губернатора Мюррея, где мужчины с наслаждением принимают законы, угрожающие цветным женщинам. Можно было бы предположить, что мисс мулатка проявит озабоченность и, возможно, переубедит отца. И тогда этот груз не лег бы на мои плечи.

— Мисс ван ден Вельден мечтает вас увидеть. Когда я сообщила ей о вашем приезде, она сказала, что с нетерпением ждет встречи. Хочет поделиться вырезками из газет.

Не вырезками из газет. Вырезкой. Одной картинкой.

Единственный набросок, напечатанный журналом «Рэмблер», чтобы посрамить молодого моряка и меня. Сердце мое трепещет. В груди загорается огонь сродни тому, что пылает на щеках. Если скандал дойдет до ушей министра обороны и колоний, человека, управляющего подвластными Британии землями по всему миру, он откажет мне в аудиенции. Отвергнет меня, женщину, которая носила кандалы и клеймо шлюхи, наложницы и мошенницы.

Но моя история — мой позор и моя слава — никому не известны.

Я разглаживаю складки на шали, плотнее кутаю в нее руки и заставляю себя припомнить: я уже не та девушка, которая убежала от проблем или сломя голову мчалась им навстречу.

Боец во мне подается вперед.

— Проследите, чтобы мисс ван ден Вельден уделила мне время. Я положу конец этой путанице.

— Да, мадам. — Мисс Смит отпивает чаю, не обращая внимания на мои колкие слова. — О садах... Я еще вам о них не

говорила. Не желаете ли осмотреть клумбы? Может, пирога? Он совсем свежий. — Директриса подвигает мне поднос, будто я слаба зрением.

Но это не так. Мое зрение просто избирательно, я вижу то, что хочу.

— Нет, мисс...

— Я так больше не могу, мисс Томас! — Ее щеки пламенеют ярче, чем мякоть плодов кешью. Директриса вскакивает с кресла. — Вы недовольны. Мне так жаль, но молю вас, пересмотрите решение. Не прекращайте финансирование Кенсингтон-хауса!

— Что?

— Наши девушки нуждаются в образовании. Наша школа — лучшая. Мы охотно принимаем молодых женщин из Вест-Индии. Мы стараемся, чтобы цветные девушки получили все шансы. — Она падает на колени и протягивает ко мне руки. — Я изо всех сил пытаюсь сделать атмосферу благоприятной.

Поставив чашку, я беру ее маленькие, такие светлые ладони в свои темные, очень темные руки. Делюсь с ней силой и помогаю встать. Мы обе поднимаемся.

— Успокойтесь. У меня нет ни малейшего недовольства ни вами, ни школой.

Сумеет ли она разглядеть за моими морщинами, как во мне бурлит гордость? Я помогла этой женщине осуществить мечту, построить нечто хорошее, нечто долговечное.

На лице мисс Смит мелькает облегчение. Сначала зарождается крошечная улыбка, потом расцветает, обнажая зубы.

— Спасибо, мадам. С тех пор как вы прибыли, меня терзал страх. — Но тут ее улыбка увядает, словно монеты в лепреконовом горшке превратились в свинец. — Тогда почему у вас такой вид, будто новости неважные?

— Мне предстоит встреча с лордом Батерстом¹, секретарем по вопросам военного ведомства и колоний. Он управляет

¹ Генри Батерст — британский правительственный чиновник, исполнял должность министра обороны и колоний, многое сделал для отмены работорговли.

Демерарой и всеми Подветренными островами — моей Доминикой, Монтсерратом и Гренадой.

Мисс Смит бросает на меня взгляд.

— Такой высокий чин. Но, мадам, почему Батерст? То есть зачем вы с ним встречаетесь?

— Государственный секретарь может исправить то, что натворил Совет Демерары. Они установили налог для цветных женщин, только для нас. Нас заставляют оплачивать ущерб, который причинили мятежи рабов.

— То есть это не распространяется на всех граждан? Какая несправедливость.

— С этого начинается правовой террор. А вдруг эти люди примут закон, отменяющий наши договоры найма, купчие или даже вольные грамоты, — что им мешает? Мы снова окажемся в рабстве.

Лицо директрисы становится серым.

— Тогда помогите вам Бог, мадам. Вы должны его убедить.

— Я знаю.

У меня есть единственный шанс, одна встреча, чтобы убедить Батерста.

Бабах!

Двери гостиной распахиваются. Это Мэри — одна из самых юных в моем роду.

— Смотри, смотри, бабуля!

Мэри Фуллартон важно вышагивает по комнате с книгой на заплетенных короной волосах. Внучка кружится, двигаясь от очага к окну, белое шелковое платье развевается волнами.

— Кузина Эмма показала, как это делать. Она разрешила взять твою книгу!

Мою книгу?

Вероятно, Мэри видела сотни фолиантов на полках в моей гостиной. Должно быть, ребенок решил, что все книги повсюду принадлежат мне. Я улыбаюсь, но не поправляю ее.

Маленьким девочкам нужно мечтать и думать, что они могут владеть всем.

— Мэри, посидите со мной. — Мисс Смит усаживает малышку к себе на колени. — Я вам почитаю. А когда вы станете постарше, тоже сможете учиться у нас, если бабушка захочет.

Восхитительное зрелище — видеть, как они вдвоем листают страницы, касаются пальцами слов. Вены мои гудят при мысли о несправедливости — что могут сделать мужчины правящего класса с нашими женщинами. Моя кровь — это сахар Демерары, загустевший до карамели и превратившийся в черный уголь. Пусть все, что грозит нам, исчезнет, сторит дотла.

Сделав глубокий вдох, я устраиваюсь удобнее в мягких подушках кресла.

Моя подруга, моя *дамфо*¹, старается устроить встречу. Уже прошло пять дней с тех пор, как я отправила послание. Возможно, давние обещания, что были даны на побережье, с годами утратили силу. Время все разрушает.

Я сижу с закрытыми глазами и слушаю, как мисс Смит и Мэри читают.

Чутье твердит — ради нее, ради них я добьюсь успеха. Но сердце подсказывает: чтобы заставить лорда Батерста отменить налог, придется улыбаться и держать язык за зубами.

Помалкивать, когда речь идет о справедливости, — вот что мне никогда не удавалось.

¹ *Damfo* — друг (*ирл.*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УРОКИ

*Отец никогда не говорил, что я должна
стать никем.*

Монтсеррат, 1761. Мятёж

Сегодня мы умрем.

Я это знала.

Съезжившись в хижине матери, я водила пальцем ноги по сучку в дубовой половице. Доски были длинными и старыми. Я дрожала у приоткрытого окна, кутаясь в лоскутное одеяло, и ждала, когда закончится мятеж.

Мы видели сражение в море. Большие английские корабли с серебряными пушками направлялись к Мартинике. Па сказал, они хотят захватить остров и вышвырнуть своих врагов назад, во Францию.

Эти корабли могут повернуть на Монтсеррат. Здесь тоже хозяйничали французы, и основная часть населения поклонялась их католическому богу. Этого британцы не выносили больше всего.

Я мечтала, чтобы они победили, тогда у нас наконец настал бы мир. Мы жили в лачугах с тонкими ставнями и крышами из пальмовых листьев и соломы, не боясь ничего, кроме плетей надсмотрщиков. Вряд ли британцы могли быть хуже этого.

— Сторожись окон, Дороти! И все будет хорошо.

В темноте послышался голос ма, теплый, отважный и уверенный, который окутал меня, словно обнял.

Ружья изрыгнули гром, и это ощущение пропало. Снова раздался голоса, но не плавная речь плантаторов, а крики наших людей. Вопли пленников.

В глубине души мне хотелось зажечь огонь и посмотреть, что творится в ночи. Но *tamai*¹— моя мамма, думала, что дым, поднимающийся из отверстия в крыше, привлечет внимание солдат.

¹ Мамочка (цпл.).

Только вряд ли убийцам нужно приглашение. Тепло огня скорее привлечет не людей, а игуану, одну из пучеглазых шипастых ящериц.

Снова бой барабанов.

Я закрыла рот, не давая страху, который крутил мне кишки, вырваться рыданиями наружу. Я обещала маме быть храброй, но меня зарежут на шестом году жизни.

Это нечестно, всегда нечестно.

Наш остров создан не для войны. Изумрудный остров моего папы звался Монтсеррат. Царство джиги и песен в перерывах между тяжким трудом.

— Дороти? Ты не у окна?

Прикусив губу, я выглянула через открытые ставни. Зря я это сделала. Небо заволочло копотью, пришлось шуриться. Может, звезды уже вовсе погасли. А вот увидела бы я их далекий свет, сразу поняла бы, что все хорошо.

— Дороти? Я тебя зову.

Голос мамы звучал не сердито.

Было еще немного времени взять себя в руки, и я потеряла шипавшие глаза. Грудь разрывалась от ощущения, что меня обманули. Пяти недолгих лет мало для жизни. В голове еще не родились мечты. Пожалуйста... Я не могу умереть, не позволив своим мечтам появиться на свет.

Влага заструилась по моим пухлым, словно яблочки, щекам. Нечестно умирать сегодня. Совсем нечестно.

— Дороти?

Я не могла ей ответить. Слезы выдали бы мою слабость. И она бы огорчилась. Я поклялась никогда больше не отнимать у нее радость. Маме редко смеялась. Ее улыбка была безжизненной, больше походила на гримасу.

Когда папа уезжал, я поклялась быть храброй. Но как это сделать теперь? Как быть храброй, когда вокрут хижины воняет смертью...

— Дороти, а ну, иди сюда, детка. Быстро!

Мама стояла у моей двери, малышка Китти спала у нее на бедре.

— Я так и знала! Слишком ты тут притихла, моя боллушка. — Она кивнула на открытые красные ставни. — Не удержалась. Видишь, небо с тобой говорит? Говорит, ты улетишь прочь!

Спокойный голос ма унимал тревогу, что билась в моей груди, но я не могла заставить себя отойти от окна. Я хотела смотреть, как приближаются повстанцы и над поселением поднимается дым.

По скрипучему полу зашлепали босые ноги. Ма подошла и дернула меня к себе. От рывка я поморщилась, но тут же оказалась в сильных любящих объятиях.

Она стала напевать мне в ухо, и я перестала дрожать. Ма мурлыкала мелодию, которую обычно пела моей сестре, когда укладывала ее спать. Мне нравилась эта песня. Она дарила хорошие сны.

Тут я решила, что в пять лет можно и не очень-то храбриться, и расплакалась, прижимаясь к маминому бедру. В ее песне не было слов, вернее сказать, я их не знала, но руки мамы были нежны.

Новая партия грубого хлопка, из которой ма шила одежду, была жесткой и колючей, но я не обращала внимания. Только крепче обняла маму и стала любоваться желтыми и оранжевыми листьями, которыми она расписала ткань.

— Все наладится, Дороти. Плантаторы подавят мятеж. Ирландцы и французы всегда справлялись. Бедный Каджо. Из-за этого болвана всех поубивают.

Тот дед в шляпе, низко надвинутой на глаза, который просит на площади милостыню, — это он в ответе за то, что горят поля? Дряхлый старик подговорил людей взять косы и лопаты и идти убивать надсмотрщиков?

Нет. Быть не может.

— Па должен быть с нами, маму. Он должен быть тут, чтобы нас защитить. Он всегда нас защищал!

Ма отпрянула, словно я сказала что-то плохое. Глаза ее затуманили тени, которые подсказывали, что говорить этого не следовало.

Отвернувшись от меня, она разгладила помятую розовую тунику Китти.

— Масса Кирван в отъезде. Твой папаша снабдил своих надсмотрщиков ружьями. Мощными ружьями, которых нет у бедных повстанцев.

В груди у меня зажгло. Я посмотрела в ее прекрасное темное лицо и потрясла кулаками.

— Ты на чьей стороне?

— Побеждают числом, а не добром или злом, только числом, Дороти.

Я вытаращилась на нее. Взгляд у ма был отсутствующий, будто она ушла в себя. Я не хотела, чтобы и меня затянуло в эту пустоту, где ничто не имеет значения.

Разве мы не можем избавиться от страха?

Разве мы не можем оказаться на стороне добра?

Разве нельзя иметь то и другое одновременно?

Я отошла от нее, выглянула в окно и принялась искать взглядом звезды.

— Мне полегчало, мам. Зови меня Долли¹ — куколка. Как па зовет. Я его маленькая куколка!

— Тебя зовут Дороти. — Ее тонкий, как у колибри, голос зазвучал громче. — Дороти!

— Долли, — хрипло сказала я, будто ворона закаркала. — Когда меня зовут Долли, я не такая, как все. Так меня па назвал. А он всегда прав.

Ма положила Китти на мое одеяло и спеленала.

— Но игрушку, набитую мякиной, тебе пошила я, а Кирван только болтает про чудных бумажных кукол.

Это была правда.

Па никогда не привозил мне ничего из своих поездок, ну и что? Имя было милым и звучало красиво, мне нравилось быть его куколкой, а не той, о ком сплетничали женщины возле источника. Они говорили, моя кожа черна как деготь. Поговаривали, что я не от па.

¹ Doll — кукла (англ.).

Когда он звал меня Долли, своей Долли, это будто доказывало, что я — его. Я была красивой и черной — черной, как черный алмаз.

— Па говорит, у меня глаза как у куклы. Светлые как солнце, как звезда! Мне нравится Долли!

— Имя очень важно. Тебя зовут Дороти. Это означает «дар». Ты — дар Божий.

— Я Долли. Долли, Долли, Долли! Па зовет меня Долли! А ты его не любишь. — Я кричала громче, чем того хотела, но и звуки выстрелов приблизились. Бой шел недалеко от нашей хижины.

— Тебе только пять, а уже дерзишь, как большая. Ты еще мала, Дороти. — Мама сильно нахмурилась, а следом заплакала Китти. — Одни глупости. Отойди от окна. Сегодня спишь на моей подстилке.

Она махнула мне, но я заупрямилась и задержалась у окна еще немного, отыскивая самую яркую звезду. Я сжала пальцы, будто желала приблизить звезду в надвигающемся тумане.

Вдруг мне почудились вдали очертания зверя, который с трудом волочил ноги, и я ахнула.

— Мама, там что-то есть!

Она закрыла окно и схватила меня за плечи. Потом встряхнула. Я попыталась вывернуться, и рукава моей ягодно-алой кофточки туго натянулись.

— Ничего там нет.

Раздался вой.

— Ничего так не вопит, мама!

Снова послышался сдавленный крик, кожу обожгло болью, и я распахнула ставни.

Туман расступился, и из него вышел человек, который нес тело; он направлялся к нам.

— Помогите!

Женщина кричала от боли, я это знала.

— Мама, там миссис Бен. Мы нужны ей. Они нас зовут!

Лицо ма словно закаменело. Она опять ушла в себя, но мать была нужна мне здесь. Пусть объяснит, как помочь.

— Пожалуйста, мама. Что делать?

— Ничего. Ты ничего не видела. Там опасно.

Но я видела миссис Бен, которая нуждалась в помощи.

— Она такая добрая!

Пятилетняя девочка могла помочь, даже если очень боялась.

— У-а-а! — с громким плачем проснулась Китти.

Шума было достаточно, чтобы топазовый взгляд мамы оторвался от меня.

И тут я решилась. Не оглядываясь и не слушая ее криков, выбралась из окна наружу.

Я пробежала сотню шагов прямо к мужчине, который держал на руках мою *дамфо* — мою подругу.

— Миссис Бен — она сильно ранена?

Долговязый мужчина наставил на меня пистолет. В лицо мне ударил запах пороха. Из этого оружия сегодня стреляли.

И он выстрелит из него снова.

Монтсеррат, 1761. Четки

— Кто ты? — хрипло, будто призрак, проговорил незнакомец и сунул ствол прямо мне под нос. — Кто?

— Не скажу, вдруг вы стрельнете.

Он немного отодвинул оружие, но от дула все еще воняло порохом, оно все еще грозило смертью.

— Кто ты, девочка? Последний раз спрашиваю.

— Долли. Несите миссис Бен сюда. — Я выпрямилась, словно и не было никакого пистолета. — В хижину мами. Она врачует, знает старые обычаи, целебные травы.

Чужак заткнул пистолет за пояс белых бриджей.

— Веди.

Я побежала к хижине. Он шел позади, и я всю дорогу молилась, сама не зная кому. Кто-нибудь из богов ма — святых или духов Обеа¹ — должен был меня уберечь, не дать выстрелить мне в спину, как сбежавшему трусу. Надсмотрщики всегда над такими глумились.

Мужчина шел следом. Он неуклюже обхватил миссис Бен и уже не наставлял на меня пистолет. Шагал незнакомец так медленно, словно ему пришлось идти долгие мили. Разорванные одежды покрывали пятна крови. Любопытно, что его серые глаза увидели этой ночью...

— Мами уже совсем рядом, миссис Бен!

Я привела их к двери, надеясь, что ма нас впустит. Она стояла на пороге с вилами наготове. Острые зубья отражали лунный свет, которому удалось пробиться сквозь туман.

¹ На островах распространена религия Обеа, ее практики включают в себя целительство, гадание, магию.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ВАНЕССА РАЙЛИ
КОРОЛЕВА ОСТРОВА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.09.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 38,22. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-55G-35147-01-R